Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 84—97.

Woman in Russian Society. 2025. No. 2. P. 84—97.

Научная статья

УДК 930.1(091)''18/19''-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/sneavp>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.2.6

**ПУТЬ В НАУКУ: ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
И ЛИЧНАЯ МОТИВАЦИЯ В АВТОДОКУМЕНТАЛЬНЫХ
ТЕКСТАХ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН-ИСТОРИКОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.**

Ольга Игоревна Секенова

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, jkzkzray@mail.ru

Аннотация. Рассматривается личная мотивация первых женщин-историков Российской империи второй половины XIX — начала XX в. как ключевой фактор их профессионального самоопределения. На основании автодокументальных свидетельств, принадлежащих женщинам-ученым, исследуется мотивационная структура, изменяющаяся в процессе их интеграции в профессиональную историческую науку. Автор анализирует такие компоненты мотивационной структуры, как материальные мотивы, стремление к общественному признанию женского вклада в науку, интерес к работе с источниками и увлечение процессом исторического исследования. Социальное положение и жизненная ситуация определяли важность материальной мотивации для занятий историей (как основной формой литературного или педагогического заработка). Мотивы общественного признания женского труда и научной репутации зависели от ценностей и приоритетов той социальной группы, к которой относились исследовательницы.

Ключевые слова: женщины-ученые, антропология академической жизни, историческая антропология, мотивация, женщины-историки, Российская империя

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10005 «Женский голос российской науки 1800—1980-х гг.», <https://rscf.ru/project/24-78-10005/>.

Для цитирования: Секенова О. И. Путь в науку: профессиональное самоопределение и личная мотивация в автодокументальных текстах российских женщин-историков второй половины XIX — начала XX в. // *Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 84—97.*

Original article

THE PATH TO HISTORICAL SCIENCE:
PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION
AND PERSONAL MOTIVATION IN SELF-DOCUMENTARY
TEXTS OF RUSSIAN WOMEN HISTORIANS
OF THE SECOND HALF OF THE 19th — EARLY 20th c.

Olga I. Sekenova

N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, jkzkzray@mail.ru

Abstract. The article examines the personal motivation of the first female historians of the Russian Empire in the second half of the 19th — early 20th c. as a key factor in their professional self-determination. Based on self-documentary evidence belonging to female scientists, the motivational structure that changes in the process of their integration into professional historical science is studied. The author analyzes such components of the motivational structure as material motives, the search for public recognition of women's contribution to science, and interest in working with sources and passion for the process of historical research. The motivational patterns of the first female scientists are reflected in egodocuments. Depending on the social status and life situation, material motivation was important for studying history (as the main form of literary or pedagogical earnings). The motives for public recognition of women's work and scientific reputation depended on the values and priorities of the social group to which female scientists belonged.

Key words: female scientists, anthropology of academic life, historical anthropology, motivation, women historians, Russian Empire

Acknowledgements: this work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 24-78-10005 “The female voice of Russian science in the 1800s—1980s”, <https://rscf.ru/en/project/24-78-10005/>.

For citation: Sekenova, O. I. (2025) Put' v nauku: professional'noe samoopredelenie i lichnaia motivatsiia v avtodokumental'nykh tekstakh rossiiskikh zhenshchin-istorikov vtoroi poloviny XIX — nachala XX v. [The path to historical science: professional self-determination and personal motivation in self-documentary texts of Russian women historians of the second half of the 19th — early 20th c.], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 84—97.

Антропологический ракурс в исследованиях истории российской науки предполагает пристальное внимание не только к внешним социально-историческим условиям производства научного знания, но и к внутреннему миру самих ученых, их духовному облику и психологическим аспектам профессиональной деятельности [Сидорова, 2017]. Особый статус женщин в науке в эпоху модерна подразумевал наличие, кроме глубокого профессионального интереса, других личных качеств, позволявших делать карьеру в непростых политико-правовых реалиях Российской империи второй половины XIX — начала XX в. Процесс женской эмансипации в России — это результат не только сложившихся для нее социальных предпосылок, но и воля множества женщин,

заинтересованных в получении качественного образования и возможности занимать рабочие места, ранее доступные исключительно мужчинам.

Почему женщины XIX в. начинали профессионально заниматься наукой в условиях, когда ни карьерный рост, ни изменения социального статуса не были им гарантированы? Хотя процесс «вторжения» женщин в прежде мужскую сферу науки и высшего образования объемно рассмотрен на материалах Российской империи [Пушкарева, 2012; Валькова, 2019], в историко-психологическом ракурсе исследований о внутренней и внешней мотивации женщин, которые впервые избрали занятия наукой, интеграция женщин в академическую среду ранее не изучалась. В данной статье делается попытка рассмотреть личную мотивацию первых женщин-историков Российской империи как ключевой фактор их профессионального самоопределения. Недопустимо приписывать женщинам прошлого современные представления о карьерном успехе и самореализации в науке. Требуют изучения внутренние мотивы, побуждавшие образованных дворянок XIX — начала XX в. искать свое предназначение в кропотливой работе с историческими источниками и научной литературой.

Оценить особенности мотивационной структуры личности первых женщин-ученых Российской империи и установить, насколько мотивация исследовательниц изменилась за последние два столетия, можно на основе принадлежащих первым женщинам-ученым автодокументальных текстов. В дневниках, мемуарах, письмах содержатся отдельные нарративные секвенции, раскрывающие внутренние побудительные мотивы, с которыми первые женщины входили в научный мир дореволюционной России. Сохранились опубликованные и неопубликованные эго-документы, принадлежащие женщинам-историкам 1840—1910-х гг. (А. О. Ишимовой, Е. Н. Щепкиной, Н. А. Белозерской, Е. В. Балобановой, А. Я. Ефименко, Н. Д. Флиттнер, И. И. Игнатович, И. И. Любименко и др.). Для анализа выбраны представительницы только профессиональной когорты историков: близость их профессионального пути помогает увидеть единство и разнообразие мотивационных паттернов, опираясь на которые они строили свою карьеру.

Методология исследования мотивации женщин в науке

Конструирование теоретической рамки изучения мотивации женщин в науке осложняется многообразием психологических теорий в связи с профессиональным самоопределением научных работников [Каитов, 2022]: именно их внутренняя индивидуальная мотивация рассматривается как основная движущая сила творчества и инноваций. В 1950-х гг. появились первые американские исследования, пытавшиеся ответить на, казалось бы, простой вопрос, почему научные работники занимались наукой (см.: [Gustin, 1973]). И первые же из них критиковали гипотезу о том, что учеными движут те же мотивы, что и представителями любых других профессий, — «карьерный рост и деньги» [Hagstrom, 1965: 52—54]. За последние 50 лет мотивация ученых стала темой множества практико-ориентированных исследований: психологи, специалисты по организационным исследованиям, социологи стремились понять, что движет научными работниками и как можно, работая с их мотивацией, повлиять на скорость и качество научных открытий. Практико-ориентированные исследования доказывали

отличительность структуры мотивации научных работников, объясняя ее высокой степенью автономии ученых. Выяснилось, что чисто «экономический подход» к развитию мотивации ученых работает не так, как хотелось бы организаторам науки: уровень заработной платы не является главным фактором, влияющим на эффективность труда [Shmatko, Volkova, 2017: 56—58]. По мнению классика социологии науки Р. К. Мертон, важные для карьеры ученых «репутационные вознаграждения» (научные степени, карьерный рост, доступ к новым исследовательским ресурсам) неминуемо дополняются внутренним удовлетворением от решенной проблемы [Merton, 1957]. Социолог, специалист по организационному поведению Э. Лам, продолжая мысль Р. К. Мертона, предложила оценивать мотивационную структуру ученых на основе трех составляющих, которые она образно назвала «золото» (прямая финансовая выгода), «лента» (карьерный рост, развитие репутации) и «загадка» (удовлетворение от получения знаний и научных открытий) [Lam, 2011]. Советские и постсоветские исследования мотивации, как правило, строились на теории деятельности психолога А. Н. Леонтьева, рассматривающего мотивы как один из ключевых элементов структуры деятельности [Shmatko, Volkova, 2017: 58—60; Каитов, 2022; Павлова, 2022]. Последнее длительное компаративное исследование, анализирувавшее мотивационную структуру ученых в разных странах, проходило в рамках проекта «Карьеры докторов наук» (Careers of Doctorate Holders, CDH) [The Science and Technology Labor Force, 2016]. Российские участники проекта «Карьеры докторов наук» Н. А. Шматко и Г. Л. Волкова, оценивая мотивацию научных работников в динамике (на различных уровнях научной карьеры), сделали вывод об исследовательском интересе как ядре профессиональной идентичности ученых [Shmatko, Volkova, 2017: 64].

Примечательно, что все вышеперечисленные работы не анализировали гендерные различия в мотивационной структуре современных ученых. Именно изыскания гендерологов, посвященные анализу пути женщин в научную сферу, касаются факторов, влиявших на их профессиональный выбор. Как пишет социолог Г. Г. Силласте, «в науку женщины идут не “благодаря тому, что...”, а “несмотря на то, что...”, ибо занятие наукой и жизнь в науке — это имманентная потребность, состояние души и ума» [Силласте, 2021: 8]. По ее мнению, исторически наука представляла собой сферу, в которой материальное вознаграждение отходило на второй план по сравнению с нематериальными возможностями: реализовать свои способности к саморазвитию и проявить интеллектуальные таланты [там же: 5]. Н. Л. Пушкарева отмечала, что под удовлетворенностью работой многие женщины-ученые и сегодня понимают «не достаточность зарплаты, а оценку своих научных достижений и возможность заниматься творческим трудом» [Пушкарева, 2010: 27].

Многообразие систем оценки мотивационной структуры личности обуславливает сложность выбора методологии для изучения мотивации первых женщин-историков Российской империи. Выявив нарративные секвенции о внутренних факторах, побуждавших женщин к научной деятельности, мы можем провести историко-антропологический анализ мотивации первых женщин в науке в соответствии с трехчастной структурой, предложенной Э. Лам: проанализировать, как в структуре мотивации сочетались материальные факторы,

научная репутация и желание заниматься наукой ради нее самой. С одной стороны, этот подход позволяет учитывать разнообразие и неоднозначность нарративных секвенций, встречающихся в автодокументальных текстах, и искать в них проявления мотивационной структуры, а с другой — столь широкое понимание мотивационных паттернов позволяет сравнивать исторические реалии с современными представлениями о мотивации научных работников.

«Золото»: материальная мотивация научного труда

Исследование мотивации первых русских женщин-историков невозможно без краткой характеристики социально-политических условий, в которых они приобрели возможность профессиональной самореализации. Хотя первой русской женщиной-историком можно по праву назвать Екатерину II, создавшую собственную концепцию российской истории в парадигме философии Просвещения, для нее занятия историей были в первую очередь увлекательной формой досуга (в марте 1792 г. в дневнике кабинет-секретарь А. В. Храповицкий писал о повседневных занятиях Екатерины II: «...упражняются теперь в составлении родословной Российских Великих Князей... это проверка истории и хронологии» [Храповицкий, 1874: 393]). XIX в. стал эпохой становления отечественной университетской корпорации и профессионализации занятий историей. В этих условиях женщины изначально могли заниматься историческими исследованиями лишь в маргинальном положении дилетанток, не имевших достаточного образования и возможностей для профессиональной карьеры. Тем не менее некоторые из них сумели превратить увлечение историей в профессиональное занятие. Так, А. О. Ишимова, адаптировавшая труды Н. М. Карамзина для детского чтения, стала первой женщиной, известной всей России как популяризатор русской истории, а графиня П. С. Уварова реализовалась как успешный организатор археологических съездов и раскопок. Профессионализация женского труда в науке осуществлялась постепенно, сначала женщины осваивали близкие к науке профессии (преподавание, журналистика) и затем вовлекались в научные исследования.

Для первого поколения женщин-историков не последнюю роль играла материальная мотивация: о ней они прямо, не стесняясь, писали в эго-документах. Многие будущие исследовательницы (А. О. Ишимова, Н. А. Белозерская, А. Я. Ефименко, П. Я. Литвинова и др.) находились в тяжелой жизненной ситуации, и статьи на исторические темы для популярной литературы или исторических журналов становились для них способом найти дополнительный источник дохода. Образованная дворянка, оставшаяся без средств к существованию (незамужняя или разведенная), рассматривала несколько стратегий выживания: либо работу в педагогике (пробовали себя в ней почти все женщины-историки первого поколения), либо занятие литературными трудами (под ними подразумевались прежде всего переводы зарубежной художественной литературы и, лишь по мере развития отечественной исторической прессы в 1860—1870-х гг., написание гонорарных статей в популярные журналы). Конкуренция в этих сферах была высокой, при этом педагогика женщинами-историками рассматривалась как менее оплачиваемая и гораздо более трудоемкая сфера деятельности

(«возня с школами рабочих» [РГАЛИ, ф. 569, оп. 2, д. 1, л. 61], «день проходит в уроках» [НАРДФ ГЭ, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 224]). Н. А. Белозерская, долгое время работавшая секретарем историка Н. И. Костомарова, а затем ставшая самостоятельной исследовательницей, признавалась: «У меня было три случая сделаться начальницей гимназии, но я, не задумываясь, отказалась, так как не хотела уложить жизнь в тесные рамки и знала, что не гожусь для этого» [Белозерская, 1913: 932]. «Почему я должна брать именно эту, ненавистную мне, работу?» [НАРДФ ГЭ, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 224], — писала о возможности работать домашней учительницей египтолог Н. Д. Флиттнер (которая, тем не менее, долго и с явным удовольствием вела уроки истории в женском коммерческом училище). Для историка кельтской культуры Е. В. Балобановой возможность заниматься исследованиями, а не искать заработка в других сферах давало унаследованное состояние («...Я могла учиться и не работать» [Екатерина Балобанова... , 2014: 85]).

Ученые дамы из обеспеченных семей иначе представляли себе мотивацию занятий наукой. С. К. Брюллова, дочь историка К. Д. Кавелина, в отличие от своих нуждающихся современниц, стремилась совмещать научные занятия и преподавание в женской гимназии. Полученное жалованье она, как обеспеченная дворянка, возвращала в ссудную кассу при гимназии, а остаток тратила на финансирование обучения трех бедных гимназисток [Корсаков, 1887: 483]. Примечательно отношение к преподаванию в школах первой женщины — преподавательницы истории Бестужевских курсов Е. Н. Щепкиной: «Честно и естественно жить своим трудом, но я обеспечена и мне не подобает тянуться за платным трудом, перебивая у беднейших немногие доступные женщинам места и платные занятия» [РГАЛИ, ф. 569, оп. 2, д. 3, л. 102 об.]. Она, не нуждавшаяся в дополнительном заработке, могла посвящать свое время самостоятельным исследованиям в архивах и библиотеках, не рассчитывая на гонорары от изданий. Подобной же тактики придерживались и другие женщины-ученые из обеспеченных семей. П. С. Уварова или Е. Г. Волконская не могли позволить себе заниматься исследованиями на коммерческой основе: принадлежность к аристократическим династиям делала их карьерные устремления невозможными, оставляя исторические науки в качестве уместного для их социального статуса хобби (а в случае с П. С. Уваровой занятия историей были еще и данью памяти делам покойного супруга).

С распространением исторического образования на Высших женских курсах занятия профессиональной наукой также не рассматривались женщинами как успешная высокооплачиваемая карьера. В 1909 г., по данным переписи (анкеты) о планах на будущее курсисток Санкт-Петербургских высших женских курсов, лишь 11,2 % опрошенных на историко-филологическом факультете были определенно настроены на научную карьеру в будущем (следует отметить, что слушательницы физико-математического и юридического факультетов еще менее были уверены в возможности построения научной карьеры — 4,1 и 1,5 % соответственно) [Слушательницы... , 1912: 143]. Даже после Закона 1911 г., разрешившего женщинам приобретать ученые степени [Закон... , 1914], материальная мотивация научной работы для женщин-историков была не на первом месте. Исторические исследования продолжали восприниматься как в первую очередь

неоплачиваемое хобби для собственного удовольствия. Н. Д. Флиттнер писала: «Затягивает повседневная работа, повседневные обязанности, потому что чересчур много приходится жить для хлеба. Забывая свою цель, я точно теряю щит, за которым стояла» [НАРДФ ГЭ, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 240—241].

«Ленты»: репутация и общественное признание как мотивация первых женщин-историков Российской империи

Дискуссия о высшем образовании для женщин, в которую включились и общественные деятели, и политики, и философы Российской империи пореформенной эпохи, ставила вопрос о профессиональной репутации первых женщин, занимавшихся наукой, и признании их академическим сообществом. «Будущность не мыслилась иначе как некая деятельность, необходимая для чего-нибудь», — писала Е. Н. Щепкина о том, как формировалось ее желание выбрать профессию историка [РГАЛИ, ф. 569, оп. 2, д. 3, л. 102 об.]. По мере расширения доступа женщин к образованию «перед русской женщиной открывается новый вопрос, более верный, чем вопрос о праве, т. к. он должен сильнее повлиять на положение женщин в русском обществе, это вопрос об общественном призвании русской женщины» [ОР РГБ, ф. 70, оп. 1, д. 33-7, л. 1]. Организатор Московских высших женских курсов профессор В. И. Герье полагал также, что именно «на поприще общественного призрения женщина доказывает свое право на образование» [там же, л. 11 об.]. Осознание и восприятие себя как ученых, равных мужчинам или хотя бы стремящихся к научному идеалу, формировало у первых исследовательниц потребность в признании научным сообществом и коллегами. В эго-документах распространены нарративные секвенции, подтверждающие важность для них нематериальных форм поощрения, демонстрирующих общественное признание успехов женщин-историков: упоминаются статьи в прессе и мнения современников. Так, А. О. Ишимова писала об издании «История России в рассказах для детей», что «публика приняла его очень благосклонно, а все тогдашние периодические издания: “Современник”, “Отеч. записки”, “С.-Петербур.” и “Моск. вед.”, “Русск. инвалид” и “Северн. пчела” — отозвались о нем с единодушным одобрением» (цит. по: [Быков, 1878: 321]).

Премии и награды, хотя были и приятным финансовым дополнением (А. О. Ишимова и Н. А. Белозерская писали, что именно благодаря премиям они смогли вернуть многочисленные долги), в первую очередь имели значение как подтверждение общественного признания вклада женщин в науку. Демидовской премии в 1843 г. была удостоена А. О. Ишимова. Единственной женщиной — лауреатом Уваровской премии в 1893 г. стала Н. А. Белозерская за работу о В. Т. Нарезном, авторе первого бытового русского романа «Российский Жилблаз» (1814) [Белозерская, 1896]. Особенно ценным символом признания своих трудов первые русские женщины-историки, разделявшие консервативные убеждения, считали внимание представителей царской семьи. А. О. Ишимова упоминала, что «несколько раз получала за свои литературные труды ценные подарки, денежные пособия и награды от царской фамилии» (цит. по: [Быков, 1878: 322]). П. С. Уварова в мемуарах отмечала «милости царские» [Уварова, 2005: 157]

и все факты встреч с императорами и великими князьями, восхищавшимися тем, как она успешно продолжает дело умершего супруга по развитию русской археологии, организации научных съездов и выставок [там же: 116]. Женщины-историки последующих поколений, чей период становления в профессии пришелся на начало XX в., с гораздо меньшим пиететом относились к проявлениям внимания от высочайших особ. Хотя подаренную императрицей в честь окончания гимназии «царскую браслетку» Н. Д. Флиттнер хранила до конца своих дней. «Наташа, эту награду берегите. Дело не в том, что она царская, и не в ее материальной ценности... Эту награду вы сами себе работой заслужили, она вам полагается, вы ее добились своими усилиями, и как память этой работы она должна быть вам всю жизнь дорога» — так объяснили ей ценность знака отличия [НАРДФ ГЭ, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 164]. Желание видеть результат своей работы и возможность гордиться им воспринимались как важнейшие элементы в мотивационной структуре первых женщин-ученых.

Не меньшее значение для признания заслуг женщин-историков имели и почетные звания. «Кенигсбергский университет удостоил меня избранием своим почетным членом и прислал мне диплом с весьма лестным отзывом о моих “ученых” трудах», — писала П. С. Уварова [Уварова, 2005: 174], подозревая, впрочем, немецких профессоров в том, что они не столько высоко оценивали ее научные труды, сколько хотели выразить благодарность «за отношения русских ученых и властей к немецкому населению края и к представителям зарубежной Германии» на археологических съездах. Женщины-историки начала XX в. были признаны и за границей. Медиевист И. И. Любименко отмечала: «В Англии меня хотели в случае возобновления отношений сделать почетным доктором Лондонского университета. В Париже в этом году должна напечататься моя книга» [СПбФ АРАН, ф. 885, оп. 1, д. 214, л. 339]. Значение столь широкого признания для собственной мотивации И. И. Любименко поясняла так: «Для меня все это важно главным образом постольку, поскольку это мне говорит, что я избрала правильный путь, то дело, которое я взяла на себя, хотя не принесло мне денег, но все-таки сделано неплохо» [там же].

Уникальный случай для Российской империи — получение историком и этнографом А. Я. Ефименко степени доктора истории (*honoris causa*) в 1910 г. в Харьковском университете по случаю сорокалетия научной деятельности. Это также можно считать формой общественного признания ее заслуг (почетное звание помогло ей избраться профессором Высших женских курсов) [Платонов, 1920]. Ценность успеха была именно в признании коллег-мужчин: внимание и поддержка многих из них являлись важнейшей мотивацией женщин в начале их карьерного пути. В автодокументальных текстах первых женщин-историков зачастую встречается образ вдохновителя, человека, который ввел мемуаристку в мир исторической науки. Как правило, в этом образе предстают или близкие знакомые, чьи связи сыграли важную роль в карьере и получении заказов на исторические работы, или наставники, бескорыстно и увлеченно помогавшие девушкам войти в мир исторической науки: «Графиня Д., интересовавшаяся... судьбой молодой девушки, однажды выразила мысль такого рода: отчего бы Ишимовой не написать историю России в рассказах для детей, вроде того как Вальтер Скотт рассказал историю Англии — английским детям» (автобиография

А. О. Ишимовой в пересказе Быкова) [Быков, 1878: 321]; «Тут опять произошло неожиданное: сразу от переводов я перешла к самостоятельной работе. Приехал Д. Л. Мордовцев, с которым я познакомилась у Костомарова, и предложил мне писать рецензии для “Древней и Новой России”, издававшей под редакцией С. Н. Шубинского, добавив, что работу мою будет выдавать за свою, потому что не примут иначе: я женщина и это первый случай...» [Белозерская, 1913: 933]; «У дяди... был тесный кружок друзей, таких же бретонских патриотов, как он сам, а кроме того, каждое лето гостил у него ирландский ученый, м-р Кэмбель. В этом обществе я начала заниматься кельтским языком» (Е. В. Балобанова о жизни у родственников в Бретани) [Екатерина Балобанова... , 2014: 85].

Как только учеба на Высших женских курсах становится обязательным этапом успешной карьеры женщины-ученого, в образе «проводника» предстают профессора, выступавшие научными руководителями, не только обучившие женщин азам научной работы, но и сформировавшие необходимую мотивацию для продолжения исторических исследований: «Мне он [К. Н. Бестужев-Рюмин] первый открыл путь к пониманию первоисточников» (воспоминания Е. Н. Щепкиной) [РГАЛИ, ф. 569, оп. 1, д. 131, л. 12]; «А. Н. Веселовский образовал кружок учениц, из которых О. М. Петерсон и я занимались у него по фольклору, и не только в течение курса, но и после него, вплоть до 1889 г. По окончании курса А. Н. <Веселовский> предложил нам обеим остаться при его кафедре для дальнейших занятий» [Екатерина Балобанова... , 2014: 87].

В некоторых случаях первыми вдохновителями и наставниками женщин-ученых были супруги: «Моя литературно-научная деятельность связана с замужеством самым тесным образом. Связь была материальная и нравственная» [Ефименко, 1908: 24]; «Хотелось продолжать начатое дело в том направлении, которое было дано... мужем» [Уварова, 2005: 132].

Фигура научного руководителя как образца ученого представлялась всеми как необходимое условие формирования научной мотивации. Н. Д. Флиттнер горько сожалела о том, что поздно встретила своего научного руководителя египтолога Б. А. Тураева: «Огромную роль в эти дни мог бы сыграть в моей жизни настоящий учитель — Учитель с большой буквы. А на курсах я встретила ряд отличных профессоров, но ни одного учителя, никого, кто мог бы продолжить дело, начатое некоторыми из институтских преподавателей» [НАРДФ ГЭ, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 169]. Именно поэтому в качестве образцов, в соответствии с которыми историк строила свою карьеру, она выбирала знаменитых ученых прошлого: «...я думаю все-таки добиться своего, я думаю все-таки стать как Шлиман, как Гумбольдт... Я... буду когда-нибудь старой ученой, у меня будет камердинер Johan и ручной попугай...» [там же, л. 151].

Зачастую неясное представление о будущей карьере и репутации возникало перед первыми русскими женщинами-историками в качестве второстепенного мотива выбора профессионального пути. Вероятно, главным и гораздо более значимым мотивом для занятий историей было удовольствие от процесса научного творчества.

«Загадка»: творческий исследовательский поиск в структуре внутренней мотивации женщин-ученых

Удовлетворение от процесса научного поиска, стремление разрешить исследовательские проблемы и искренний интерес к истории — все эти элементы мотивации (в отличие от «понятных» материальных мотивов) встречаются в автодокументальных текстах женщин-историков лишь эпизодически. Хотя присутствие нарративных секвенций о получаемом удовольствии от разрешения «головоломок» определялось еще и жанровой принадлежностью эго-документа, и, возможно, представлением о будущем читателе. Тем не менее примеров текстов женщин-ученых, в которых они бы подробно рефлексировали о процессе своего профессионального выбора через призму научного интереса к событиям прошлого, немного: исследовательницы будто бы стеснялись рассказывать о своем глубоком личном интересе к истории. Однако этот искренний интерес и любовь к предмету незримо присутствуют во всех эго-документах: в описании удовольствия от процесса учебы и занятий первыми исследовательскими работами, восторгов от посещения научных библиотек и исторических достопримечательностей, во внимании к историческим деталям окружающего мира.

Приведем редкий для своего времени отрывок из написанных на основе дневника мемуаров египтолога Н. Д. Флиттнер. Еще в юности посвятив себя научной карьере (в первые годы абсолютно не оплачиваемой), она объясняла причины своего выбора так: «Я хочу создать себе интересную широкую жизнь, где бы я постоянно шла вперед, которая совсем захватила бы меня, которая дала бы мне возможности творчества, пусть хоть не мирового масштаба, пусть хотя компилятивного, но все-таки живого творчества. Я говорила об этом уже — я хочу, чтобы слушатели мои, когда я говорю о Флоренции, о жизни ее, видели бы ее перед собой, чтобы из-под пальцев моих, когда я развертываю папирус, для них возникала бы долина Нила. Одним словом, я хочу воссоздавать прошлое, делать его живым, показать, что время — нечто относительное, что его можно забыть» [НАРДФ ГЭ, ф. 63, оп. 1, д. 4, л. 240—242]; «Где-то в отдаленном будущем передо мной вставали миражи дальних стран, мне слышался гул морских валов, великие имена Гумбольдта, Шлимана и других; их славные судьбы сулили и мне возможности иной работы, чем преподавание немецкого языка в церковной школе, открывали безграничные горизонты впереди» [там же, л. 223—224].

Карьера историка была для Н. Д. Флиттнер воплощением мечты, к которой она очень долго шла: сама возможность заниматься наукой в Эрмитаже, которую она получила только после 1917 г., представлялась наградой за долгие труды в сфере образования. «Живое творчество», способность «оживлять» для современников события прошлого, соприкосновение с древними артефактами — все эти проявления искренней любви к исторической науке были для нее главными мотивами в постижении ремесла историка.

Заключение

Жизненные стратегии первых женщин-ученых Российской империи второй половины XIX — начала XX в. строились в условиях неблагоприятных: на своем пути в науку исследовательницы вынуждены были преодолевать законодательные преграды и идти наперекор общественному мнению. Многие подававшие надежды женщины-историки так и не смогли реализоваться в науке и уходили в смежные специальности — преподавание, музееведение, библиотечное дело. Для женщин, добившихся успехов в изучении истории, была характерна сильная мотивационная структура, сочетающая финансовые мотивы, стремление к успешности и интерес к процессу получения знаний. Переплетение разнообразных внутренних мотивов находило отражение в автодокументальных источниках: женщины-ученые переживали не только по поводу материальной составляющей своей работы, но и относительно научной репутации, возможности добиться общественного признания научных трудов. Мотивационные паттерны женщин-ученых, зафиксированные в эго-документах, несколько отличаются от представлений их коллег начала XXI в.: в зависимости от социального положения и жизненной ситуации материальная мотивация была либо ключевой для занятий историей (как основной формой литературного или педагогического заработка), либо принципиально не имела никакого значения. Мотивы общественного признания женского труда и научной репутации хотя и сближали представительниц разных социальных групп, отличались в зависимости от системы ценностей: для кого-то важными были положительные оценки в прессе, для кого-то — внимание высочайших особ и почти для всех важной мотивацией была поддержка научного руководителя. Хотя эго-документы сохранили лишь отдельные нарративные секвенции, посвященные тому, как женщины-историки видели основную мотивацию своего труда в интересе к истории как науке, характерные жанровые особенности женских эго-документов второй половины XIX — первой половины XX в. позволяют предположить, что интерес, любовь к предмету исследования воспринимались авторами как мотивы, не требующие проговаривания.

Список источников

- Белозерская Н. А.* Василий Трофимович Нарезный: историко-литературный очерк. СПб.: Тип. В. А. Тиханова, 1896. 297 с.
- Белозерская Н. А.* Автобиография // Исторический вестник. 1913. Т. 132. С. 925—937.
- Быков П. В.* Русские женщины-писательницы. А. О. Ишимова // Древняя и новая Россия. 1878. Т. 2, № 8. С. 316—321.
- Валькова О. А.* Штурм цитадель науки: женщины-ученые Российской империи. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 792 с.
- Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: труды, документы, воспоминания. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2014. 208 с.
- Ефименко А. Я.* Автобиография // Первый женский календарь на 1908 г. / сост. П. Н. Ариян. СПб.: Тип. В. Ф. Ревитцера, 1908. Отд. 5. С. 18—25.

- Закон 19 декабря 1911 года и правила об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о порядке приобретения ученых степеней и звания учительницы средних учебных заведений // Полное собрание законов Российской империи: собр. 3. СПб., 1914. Т. 31, № 36226. С. 1296—1300.
- Каитов А. П.* Эволюция научных представлений о феномене профессиональной мотивации в зарубежных и отечественных исследованиях // Гаудеамус: психолого-педагогический журнал. 2022. Т. 21, № 2. С. 9—24.
- Корсаков Д. А. К. Д. Кавелин: материалы для биографии, из семейной переписки и воспоминаний* // Вестник Европы. 1887. № 4. С. 457—488.
- НАРДФ ГЭ (Научный архив рукописей и документального фонда Государственного Эрмитажа).
- ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки).
- Павлова Е. В.* Мотивация научной деятельности: классификация и факторы развития // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 4. С. 103—108.
- Платонов С. Ф.* Александра Яковлевна Ефименко: некролог // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 617—620.
- Пушкарева Н. Л.* Женщины в российской науке конца XX — начала XXI в.: обобщение количественных характеристик // Женщина в российском обществе. 2010. № 3. С. 24—35.
- Пушкарева Н. Л.* Женщины-историки в России 1810—1917 годов // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2012. Вып. 1. С. 228—246.
- РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства).
- Сидорова Л. А.* Советские историки: духовный и научный облик. М.: Ин-т росс. истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 248 с.
- Силласте Г. Г.* Наука как сфера самореализации женщин и социогендерный потенциал ее развития // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 3—17.
- Слушательницы С.-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов: по данным переписи (анкеты), выполненной Статистическим семинарием в ноябре 1909 г. СПб.: Типолитография «Экономия», 1912. 144 с.
- СПбФ АРАН (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук).
- Уварова П. С.* Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2005. 293 с.
- Храповицкий А. В.* Дневник, 1782—1793. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1874. 610 с.
- Gustin B. H.* Charisma, recognition, and the motivation of scientists // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78, № 5. P. 1119—1134.
- Hagstrom W. O.* The Scientific Community. New York: Basic Books, 1965. 304 p.
- Johnson B. B., Dieckmann N. F.* Americans' views of scientists' motivations for scientific work // Public Understanding of Science. 2020. Vol. 29, iss. 1. P. 2—20.
- Lam A.* What motivates academic scientists to engage in research commercialization: «gold», «ribbon» or «puzzles»? // Research Policy. 2011. № 40. P. 1354—1368.
- Merton R. K.* Priorities in scientific discovery: a chapter in the sociology of science // American Sociological Review. 1957. № 22. P. 635—659.
- Shmatko N., Volkova G.* Service or devotion? Motivation patterns of Russian researchers // Foresight and STI Governance. 2017. Vol. 11, № 2. P. 54—66.
- The Science and Technology Labor Force: the Value of Doctorate Holders and Development of Professional Careers / ed. by L. Gokhberg, N. Shmatko, L. Auriol. Springer International Publishing, 2016. 350 p.

References

- Belozerskaya, N. A. (1896) *Vasilii Trofimovich Narezhnyi*: Istoriko-literaturnyi ocherk [Vasily Trofimovich Narezhny: Historical and literary essay], St. Petersburg: Tipografiia V. A. Tikhanova.
- Belozerskaya, N. A. (1913) Avtobiografiia [Autobiography], *Istoricheskiĭ vestnik*, vol. 132, pp. 925—937.
- Bykov, P. V. (1878) Russkie zhenshchiny-pisatel'nitsy. A. O. Ishimova [Russian women writers. A. O. Ishimova], *Drevniaia i novaia Rossiia*, vol. 2, no. 8, pp. 316—321.
- Efimenko, A. Ya. (1908) Avtobiografiia [Autobiography], *Pervyi zhenskiĭ kalendar' na 1908 g.*, chap. 5, St. Petersburg: Tipografiia V. F. Revittsera, pp. 18—25.
- Ekaterina Balobanova, bibliotekar' Bestuzhevskikh kursov*: Trudy, dokumenty, vospominaniia (2014) [Ekaterina Balobanova, librarian of the Bestuzhev Courses: Works, documents, memoirs], St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Gokhberg, L., Shmatko, N., Auriol, L. (eds) (2016) *The Science and Technology Labor Force: The Value of Doctorate Holders and Development of Professional Careers*, Springer International Publishing.
- Gustin, B. H. (1973) Charisma, recognition, and the motivation of scientists, *American Journal of Sociology*, vol. 78, no. 5, pp. 1119—1134.
- Hagstrom, W. O. (1965) *The Scientific Community*, New York: Basic Books.
- Johnson, B. B., Dieckmann, N. F. (2020) Americans' views of scientists' motivations for scientific work, *Public Understanding of Science*, vol. 29, iss. 1, pp. 2—20.
- Kaitov, A. P. (2022) Ėvoliutsiia nauchnykh predstavlenii o fenomene professional'noi motivatsii v zarubezhnykh i otechestvennykh issledovaniiax [Evolution of scientific ideas on professional motivation in foreign and national research], *Gaudeamus: Psikhologo-pedagogicheskii zhurnal*, vol. 21, no. 2, pp. 9—24.
- Khrapovitsky, A. V. (1874) *Dnevnik, 1782—1793* [Diary, 1782—1793], St. Petersburg: Tipografiia M. Stasiulevicha.
- Korsakov, D. A. (1887) K. D. Kavelin: Materialy dlia biografii, iz semeinoi perepiski i vospominanii [K. D. Kavelin: Materials for a biography, from family correspondence and memoirs], *Vestnik Evropy*, no. 4, pp. 457—488.
- Lam, A. (2011) What motivates academic scientists to engage in research commercialization: “gold”, “ribbon” or “puzzle”? *Research Policy*, no. 40, pp. 1354—1368.
- Merton, R. K. (1957) Priorities in scientific discovery: A chapter in the sociology of science, *American Sociological Review*, no. 22, pp. 635—659.
- Pavlova, E. V. (2022) Motivatsiia nauchnoi deiatel'nosti: klassifikatsiia i faktory razvitiia [Motivation for scientific activity: classification and development factors], *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, no. 4, pp. 103—108.
- Platonov, S. F. (1920) Aleksandra Iakovlevna Efimenko: Nekrolog [Alexandra Yakovlevna Efimenko: Obituary], *Dela i dni*, b. 1, pp. 617—620.
- Pushkareva, N. L. (2010) Zhenshchiny v rossiiskoi nauke kontsa XX — nachala XXI v.: obobshchenie kolichestvennykh kharakteristik [Women in Russian science of the late 20th — early 21st c.: generalization of quantitative characteristics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 24—35.
- Pushkareva, N. L. (2012) Zhenshchiny-istoriki v Rossii 1810—1917 godov [Women historians in Russia in 1810—1917], *Vestnik Permskogo universiteta*, seriia Istoriia, iss. 1, pp. 228—246.
- Shmatko, N., Volkova, G. (2017) Service or devotion? Motivation patterns of Russian researchers, *Foresight and STI Governance*, vol. 11, no. 2, pp. 54—66.

- Sidorova, L. A. (2017) *Sovetskie istoriki: dukhovnyĭ i nauchnyĭ oblik* [Soviet historians: spiritual and scientific appearance], Moscow: Institut rossiĭskoĭ istorii Rossiĭskoĭ akademii nauk, Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
- Sillaste, G. G. (2021) Nauka kak sfera samorealizatsii zhenshchin i sotsiogendernyĭ potential eĭ razvitiia [Science as a sphere of women's self-realization and the sociogender potential of its development], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—17.
- Slushatel'nitsy Sankt-Peterburgskikh vysshikh zhenskikh (Bestuzhevskikh) kursov: po dannym perepisi (ankety), vypolnennoĭ Statisticheskim seminarom v noiabre 1909 g.* (1912) [Female students of the St. Petersburg Higher Women's (Bestuzhev) Courses: according to the census (questionnaire) conducted by the Statistical Seminary in November 1909], St. Petersburg: Tipolitografiia "Ėkonomiia".
- Uvarova, P. S. (2005) *Byloe. Davno proshedshie schastlivye dni* [The Past. Happy Days Long Gone], Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh.
- Valkova, O. A. (2019) *Shturmuia tsitadel' nauki: Zhenshchiny-uchēnye Rossiĭskoĭ imperii* [Storming the citadel of science: Female scientists of the Russian Empire], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Статья поступила в редакцию 10.03.2025; одобрена после рецензирования 24.03.2025; принята к публикации 31.03.2025.

The article was submitted 10.03.2025; approved after reviewing 24.03.2025; accepted for publication 31.03.2025.

Информация об авторе / Information about the author

Семенова Ольга Игоревна — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, г. Москва, Россия, jkzkray@mail.ru (Cand. Sc. (History), Research Fellow, N. N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).